

Киллер Константинов по кличке Самурай совершает заказное убийство владельца ночного клуба Русанова. Чтобы не платить остаток денег, люди заказчика совершают покушение на него самого. Раненый Константинов попадает в полицию. Теперь он подозреваемый.

Жена Русанова Валерия, которая видела Самурая, предпочла «не узнать» его на опознании. Это неспроста... Киллер вызывается найти того, кому покойный Русанов задолжал четверть миллиона долларов и кто угрожает жизни и бизнесу вдовы. Тем временем новый мэр города подмывает под себя весь бизнес. Расправа грозит и Валерии, унаследовавшей ночной клуб мужа. Она как кость в горле городской мафии. От нее нужно избавиться...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8122-6

9 786171 281226

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

МЕСТЬ САМУРАЯ

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

МЕСТЬ САМУРАЯ

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

МЕСТЬ САМУРАЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
М14

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

ISBN 978-617-12-8122-6

- © Майдуков С. Г., 2020
- © DepositPhotos.com / Hasenonkel, liukov, Snail86, vladimirgappov@yandex.ru, YAYImages, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Нет большего одиночества, чем одиночество
самурая, разве что тигра в джунглях.

Жан-Пьер Мельвиль

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЕЖКА И ЗАПЛЫВ

Константинов давно отвык от своей фамилии. Теперь он звался Самураем. Прозвище его устраивало. Так он и жил самураем. Одиноким и верным своему собственному кодексу чести.

В полотенце, лежащем на скамье в двух шагах от него, был замотан пистолет с заблаговременно навинченным глушителем. Магазин был полон, хотя Самурай рассчитывал обойтись двумя или тремя выстрелами.

Время жать на спусковой крючок пока что не пришло. До появления объекта оставалось минут десять, так что Самурай продолжал разминаться на площадке с турником, брусьями и прочими примитивными спортивными снарядами. Упражняясь, он не усердствовал, чтобы не перенапрягать руку, которая не должна была дрогнуть в ответственный момент. Подтянувшись пару раз, он спрыгивал с турника и делал наклоны или приседания. Его боковое зрение было постоянно обращено в тот конец аллеи, откуда должен был появиться покойник. То, что этот человек пока что дышал и двигался, ничего не меняло. Для Самурая он был покойником.

Дело происходило в парке на берегу большого озера. Когда-то здесь был песчаный карьер, впоследствии наполнившийся водой. Поскольку озеро находилось в черте города, на краю обширного спального района, то часов с семи утра

сюда подтягивались собачники, любители кросса и спортивной ходьбы, а также пловцы и йоги с резиновыми ковриками. Сейчас же было для них рановато, так что Самурай разминаясь в гордом одиночестве.

Будущий покойник приезжал на пробежки всегда в одно и то же время, между двадцатью и двадцатью пятью минутами седьмого. Самурая он и его охранники уже видели несколько раз и успели привыкнуть к тому, что он отирается возле турника. Чтобы они не напрягались, он всегда появлялся в одних и тех же ярко-красных шортах, заметных издали. В первый раз они подействовали на телохранителей, как красная тряпка на быка, а потом стали привычной деталью пейзажа. Так и было задумано.

Самурай никогда не пользовался снайперской винтовкой. Тому было много причин. Ну, например, торговцы боевым арсеналом в любой момент могли продать информацию о человеке, которому продали столь редкое оружие. Во-вторых, винтовки стоили больших денег, а их почти всегда нужно было бросать, чтобы не привлечь к себе внимание сумкой или чехлом. Это в кино киллеры безнаказанно расхаживают повсюду с элегантными кейсами и футлярами для виолончелей. В реальной жизни подобные атрибуты слишком бросаются в глаза. Имелись и другие профессиональные соображения, удерживавшие Самурая от применения снайперских винтовок, хотя главная состояла в том, что ему не нравилось убивать исподтишка. Идя на сближение с жертвой, он подвергал себя риску, и это в какой-то мере уравнивало их шансы. Ощущение опасности придавало его занятию особый, неповторимый вкус. Возможно, ради него Самурай и стал профессиональным убийцей. Не в полной мере, но отчасти это было верно.

Константинов никому и никогда не рассказывал, как и почему стал тем, кем стал. Теперь он был Самураем, а самураям не пристало выдавать свои секреты.

Посторонние видели в нем обычного человека, от которого не ждешь неприятностей. Женщины отмечали, что он хо-

рошо сложен и красив. Мужчины полагали, что уж слишком красив. Тех, кто принимал голубые глаза и густые ресницы Самурая за признак хрупкости и изнеженности, ожидал большой сюрприз, после которого их мнение менялось коренным образом. За приятной, слегка женственной внешностью скрывался жесткий и очень сильный характер, сломить который пока что не удавалось никому.

Физическая красота могла сильно осложнить жизнь Самурая, являясь запоминающейся приметой, поэтому он старался не оставлять свидетелей. Другой приметной деталью являлись черные, как вороново крыло, волосы, но зато, гладко зализывая их назад, удавалось добиться кардинального изменения внешности. Вторым излюбленным трюком Самурая было отпускание недельной щетины, которая делала его неузнаваемым. Гладко выбритый он выглядел лет на тридцать. Небритым мог сойти за сорокалетнего.

Готовясь к выполнению заказа, он выбрал более молодой и невинный образ, дабы не вызывать подозрений. Такой себе спортивный парень, качающий бицепсы и пресс, чтобы еще сильнее нравиться женскому полу. Можно ему только позавидовать. Или молча возненавидеть. Но никак не увидеть в нем беспощадного, безжалостного убийцу, на счету у которого горы трупов.

Увидев знакомую черную «Ауди», Самурай повис на турнике, сделал показательный переворот, а потом спрыгнул и стал вытирать лицо, держа полотенце таким образом, чтобы не показать спрятанного внутри полотенца. Мускулистый, загорелый, он являл собой воплощение здорового образа жизни, постоянных физических нагрузок и правильного питания. Все это должно было импонировать Жукову, уже записанному Самураем в покойники.

Покойный Жуков при жизни часто занимал деньги и редко отдавал долги. При своем процветающем медицинском бизнесе он мог бы давно отказаться от давней привычки и вести дела честно. Но не хотел. Ему нравилось «кидать» партнеров, конкурентов, да и вообще кого попало. Он любил

и умел войти в доверие, наобещать золотые горы, а потом разводить руками и сетовать на отсутствие денежных средств. Некоторые ждали годами. Нетерпеливые нанимали бандитов, не подозревая, что Жуков и сам является бандитом с давним и темным уголовным прошлым. *Кидняк* был его коньком. На кидняке сколотил он первоначальный капитал, кидняком не брезговал и теперь. Те, кто на него «наезжал», сами оказывались его должниками — их «разводили» по полной программе, ставили на счетчик, сажали на бутылки и знакомили с прочими оборотными сторонами предпринимательской медали.

Жуков этим наслаждался. Он был здоров, как бык, и собирался жить долго и счастливо. Беда его состояла в том, что слишком многих людей он обманул и обидел. Вот они-то и собрались укоротить Жукову жизнь. Для такой работы и был нанят Самурай.

Как обычно, машина высадила Жукова возле беговой дорожки и медленно покатила следом, выдерживая дистанцию в десять метров. Как обычно, Самурай снялся с места и побежал навстречу, продолжая утирать лицо краем зеленого махрового полотенца. Он тоже был человеком деловым и жил по определенному распорядку. Ничего удивительного. Жуков лишь покосился на него, разминаясь. Самурай едва удержался, чтобы не подмигнуть ему заговорщически. У них имелась одна общая тайна. Одному предстояло быть убитым, а второму — убить.

Пробежав мимо «Ауди», Самурай тотчас развернулся и повернул в обратном направлении. Он давно подметил, что телохранители, сопровождая хозяина в парке, держат оба передних окна открытыми. Тонированные стекла, видите ли, мешали им бдительно обозревать округу.

Эта бдительность их и подвела.

Догнавший машину Самурай уже держал пистолет за рукоятку. Часть ствола была все еще накрыта полотенцем, но дуло было открыто и направлено на первую цель.

Ею являлся охранник, сидевший на пассажирском сиденье. Чок! И пуля проломила обращенный к ней висок с редкой по-

рослью рыжевато-го цвета. Там образовалось крохотное круглое отверстие, а с другой стороны выплеснулась кровь, и лицо водителя стало красным. Он снял руку с руля, намереваясь то ли утереться, то ли выхватить оружие, но не успел сделать ни того, ни другого. Пуля проломила ему череп над правой бровью. После этого телохранитель больше ничего не делал, а просто сидел мертвый, слегка покачиваясь, прежде чем сползти по спинке кресла вправо или влево.

«Ауди» медленно катила по дорожке за своим обладателем. Услышав за своей спиной громкие щелчки, он оглянулся и бежал с головой, повернутой назад. Так было недолго и упасть, что произошло, как только Самурай надавил на спусковой крючок в третий раз.

Чок! Для разнообразия выстрел был произведен Жукову куда-то в область сердца, а уж потом Самурай поравнялся с ним и добил. Секунды полторы покойник не сбавлял скорости, словно надеялся добежать куда-то. Куда? Зачем? Самурай не спросил, а Жуков не ответил. Оступился, споткнулся и упал: некрасиво, нелепо, беспорядочно, как никогда не падают в кино даже отрицательные герои. Всем хочется умереть красиво, пока они живы. Когда же приходит смерть, становится не до таких мелочей.

— Физкульт-привет, — сказал Самурай, на ходу завязывая полотенце с пистолетом в узел.

Добежав до берега, он, не снимая кроссовок, прыгнул в воду и поплыл, будоража зеркальную поверхность озера. Глубина его составляла тридцать метров, дно было песчаное, с множеством бьющих из-под земли ключей, так что никакие водолазы не смогли бы отыскать на дне утопленный пистолет, да и что бы это дало, учитывая стертые полотенцем отпечатки пальцев?

Доплыв до середины, Самурай сбросил кроссовки, а потом избавился от пистолета. Несколько раз он переворачивался в воде на спину, чтобы проследить за происходящим на берегу. Машина уже не ехала, а стояла, уткнувшись мордой в парковую скамейку. К лежащему на дорожке телу приближался

бегун, но ему еще только предстояло обнаружить, что Жуков свалился не в обмороке и не от сердечной недостаточности. Времени до прибытия полиции было предостаточно.

Выбравшись из озера, Самурай поднялся по песчаному откосу и углубился в камышовые заросли чуть левее ивы, спаленной молнией. Там он оделся, тщательно побрился механической бритвой, натянул на голову дурацкую кепку с гнутым козырьком, сел на велосипед и покатил прочь. Ему предстояло проехать километров десять до следующего тайника с другой одеждой и ключами от автомобиля. Потом получить деньги от заказчика, еще раз изменить внешность и покинуть очередной город, в котором он совершил очередное убийство очередного человека. Привычное занятие пока что не превратилось для Самурая в рутину, и он надеялся, что этого не произойдет, а если произойдет, то не скоро. Потому что больше ему нечем было заполнить пустоту собственной жизни.

Он жил так, словно давным-давно умер. И там, где у обычных людей трепещет душа, у него был провал, пустота, черная дыра. Убивая других, он не заметил, как убил себя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Мы не будем описывать здесь, как, где и чем жил Самурай на протяжении тех трех месяцев, что минули со дня его памятного заплыва, тем более что сам бы он не одобрил такое начинание. Не понравилось бы ему и то, если бы автору вздумалось привести здесь название города, в котором он объявился в сентябре, когда лето и осень еще не решили, кому из них править, а кому ждать своей очереди. Ведь это был город его детства. Там все началось, и оттуда было бы проще всего проследить жизненный путь самурая, чего он категорически не желал.

Достаточно сказать, что в городе имелась своя площадь Ленина с памятником (гранит, кепка, распахнутое пальтецо по колено), центральная улица имени какого-то революционного деятеля, два театра, цирк (не путать с театром), много так называемых коммерческих вузов, один так называемый государственный университет, должное количество школ и детских садов (отличающихся номерами), трамвайный и троллейбусный парки, просто парки, следственный изолятор и даже самая настоящая тюрьма, возведенная почему-то прямо в центре, напротив свеженького храма с блестящими луковками куполов.

Все это было настолько похоже на любой другой промышленный город-миллионщик, что посторонний не нашел бы здесь ничего примечательного и, тем более, достопримечательного.

Для Самурая же городские пейзажи, проплывающие за окнами такси, имели особый, сокровенный смысл, поскольку со многими из них, если не со всеми, были связаны какие-то воспоминания.

Они, воспоминания, нахлынули на него с особой силой, когда он высадился из такси в квартале от своего дома, чтобы немного пройтись пешком и поностальгировать по безвозвратно ушедшему детству. Он прошел мимо величественного здания научно-исследовательского института с барельефами и колоннами, пересек наискосок чахлый сквер и, нырнув в арку, очутился в знакомом до слез дворе. Здесь воздух, свет, все было иным, особенным, но по лицу Самурая никто не сказал бы, что он испытывает какие-то необычные чувства. Выражение его было каменным, равнодушным. Если он и разрешал себе некоторые эмоции, то все равно держал их под контролем.

Как и самого себя.

Всю свою жизнь.

Это походило на ощущение, когда постоянно сдерживаешься, чтобы не расплакаться. Стискаешь зубы, гонишь лишние мысли и живешь дальше. Потому что исправить что-либо или начать сначала невозможно.

С непроницаемым лицом Самурай миновал подъезд, в котором некогда обитала его первая любовь... миновал скамейку, на которой едва не оочурился после первой в своей жизни папиросы с травкой... машинально поздоровался с не узнавшей его тетей Клавой... вежливо отодвинул ногой жирного кота, разлегшегося перед подъездной дверью... приложил было пальцы к кнопкам кодового замка... и застыл. За годы скитаний он забыл цифры.

Выручил сосед, заметно сдавший дядя Валера, который когда-то был похож на Шурика из «Кавказской пленницы», а теперь сам походил на человека, только что освободившегося из плена у чеченцев.

— Вы к кому? — спросил он сварливо. — Не перепутали парадное?

Самураю всегда было смешно слышать, как жильцы именуют свои грязные, заплыванные, облупленные подъезды парадными, будто бы в них имелся другой ход, черный, используемый чернью.

— Нет, — сказал Самурай. — Я к Константиновым.

— Колька? — определил дядя Валера, близоруко щуря глаза за стеклами очков.

— Я кого-то вам напоминаю?

— Обознался, значит?

— Бывает.

Самурай вошел в открывшуюся дверь и огромными прыжками поднялся наверх, чтобы семенящий позади дядя Валера не успел стать свидетелем его встречи с родителями.

Открыла мать. Он не сразу узнал ее и в первое мгновение опешил:

— Мама? Ты постриглась?

— Еще два года назад, — машинально ответила она, после чего опомнилась и бросилась Самураю на шею.

— Сынок! Ой, ноги не держат... Что же ты не предупредил? Я бы приготовила тебе что-нибудь вкусенькое...

— У тебя все вкусное, мама.

Самурай бережно оттеснил ее вглубь прихожей и захлопнул дверь, отгородившись от соседей. Это был его мир, куда никого не хотелось впускать, даже мимоходом.

Он был у родителей поздним ребенком, и теперь матери было за шестьдесят, а отцу — под семьдесят. Всякий раз, когда Самурай вспоминал об этом, его сердце тоскливо сжималось. Он почти желал погибнуть раньше, чем доведется хоронить родителей. С другой стороны, было бы слишком жестоко с его стороны обойтись с ними подобным образом. Он и так редко радовал их в молодости, а теперь и вовсе забросил. Не хотелось видеть, как они дряхлеют и старятся. Одних телефонных разговоров хватало. Мать всегда рассказывала о погоде и обсуждала политические события, заменяющие ей личную жизнь. Отец непременно оперировал десятком одних и тех же прибауток и парой стишков, которые

цитировал словно в доказательство того, что все еще ясен умом и силен памятью, хотя эффект получался прямо противоположный.

— Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? — прогудел он, появляясь в прихожей в майке поверх кучной седой поросли на груди.

— Коленька приехал! — провозгласила мать, словно он мог не узнать родного сына.

— Вижу, что Коля, не слепой. А поворотись-ка, сынку. Дай поглядеть на тебя.

— Здравствуй, папа.

Обнимая отца, Самурай внутренне сжался, ощутив под пальцами ослабшую, сильно сдавшую плоть.

— Ты надолго к нам, сынок? — спросила мать.

Ему почудилось, что он слышит в ее голосе не только радость, но и тревогу, вызванную тем, что их небольшую квартиру придется делить со взрослым, малознакомым мужчиной, в которого превратится сын, как только первые охи и ахи закончатся. Самурай и сам знал это. В прошлый раз он не находил себе места уже на второй день и решил тогда, что будет по возможности сокращать визиты.

— Завтра уезжаю, — сказал он.

— Правда? — огорчилась мама.

Но и заметно приободрилась тоже.

— Собирай на стол, мать! — зычно распорядился отец. — У меня коньяк отличный есть, армянский. Пять звезд.

— Отлично!

Самурай растянул губы в улыбке. Он знал, что отец по привычке экономит на всем, а значит, коньячные звездочки на этикетке не соответствуют внутреннему содержанию.

— Но предлагаю моего рома попробовать, — сказал он, демонстрируя сумку с покупками. — Для мамы вино припасено, сладкое, как она любит.

— Не откажусь, — сказал отец. — Ну, проходи, сынок, располагайся.

Когда Самурай вышел из ванной, большой овальный стол был уже накрыт и заставлен, а ведущий из телевизора в углу радостно кричал что-то, как будто предвкушая славное угощение.

— Я сделаю звук потише? — спросил Самурай.

— Делай, — разрешил отец. — В дневных выпусках ничего интересного и важного не рассказывают, прибегают на вечер.

Прибежала мама, принесла новые тарелки. Несмотря на то, что они не готовились к приезду сына, еды и закусок было предостаточно. В какой-то мере Самурая это радовало. У родителей сохранялся хороший обмен веществ и на отсутствие аппетита они не жаловались, что свидетельствовало о здоровье.

— Селедочка, — тараторила мама, — помидорчики домашние, буженинка, хлебушек моей выпечки, пирожки с капусткой и картошечкой, позавчерашние, правда, но еще совсем свежие...

Для блюд и продуктов у нее всегда находились ласкательные, уменьшительные названия. Она заметно поправилась за последние годы, но не лицом, а нижней частью туловища, так что, усевшись, стала почти прежней, если не считать короткой прически, которая ей, кстати говоря, шла.

Выпивали, закусывали, запивали и много, беспорядочно, оживленно разговаривали. Самурай врал что-то про недавно начатый бизнес, отец давал обстоятельные советы, как будто не проработал всю жизнь научным сотрудником, ни черта не смыслящим в частном предпринимательстве. Мать опасливо вздыхала: не выйдет ли собственное дело сыну боком, не разорит ли, не пустит по миру? Самурай ее успокоил, заверив, что в деньгах не нуждается и привез немалую сумму родителям, чтобы не отказывали себе ни в чем.

— На депозит положим, — солидно кивнул отец. — Мы давно, почитай, на проценты живем, кап, кап... Пенсию — на карточку, с нее и капает.

— Вы лучше тратьте, — сказал Самурай. — Смело. Я еще заработаю. Теперь каждый год буду привозить. Много.

— Зачем нам много, Коля? — улыбнулась мать благодарно. — Нам уже и не нужно ничего.

— Чтобы достаток был, вот зачем. Чтобы не отказывали себе ни в чем.

— Мы и так не отказываем, — заверил сына отец. — Зря я, что ли, депозиты завел? Копейка рубль бережет, слышал?

Так незаметно досидели до шести часов вечера, когда, спохватившись, мать схватилась за пульт, и телевизор заиграл торжественную, немного тревожную музыку, возвещающую о начале выпуска новостей.

— Может, пропустите? — спросил Самурай, размякший от съеденного и выпитого.

— Что ты! — испугалась мама. — Как можно?

— Мы за мировыми событиями следим, — сурово произнес отец, наполняя рюмки своим коньяком.

— Через час повторяют, — сказал Самурай. — И будут долдонить по всем каналам, а потом преподнесут новые события. Тот заявил, этот посетил, те договорились... Что от этого меняется? Вот конкретно для вас?

— Тише, — попросила мать, с замиранием следящая за президентом, идущим куда-то энергичной походкой. — Сейчас что-то важное скажет...

Отец значительно кивнул и влил в себя коньяк, охватив рюмку ртом так, будто намеревался проглотить ее целиком.

Дождавшись окончания новостей, Самурай завел разговор, предполагающий ностальгические воспоминания, но тут подоспел следующий выпуск, и президент опять энергично зашагал через экран, а родители почти перестали жевать. Взгляды у них были тусклые, отсутствующие.

— Оно вам надо? — рассердился Самурай. — Ведь опять талдычат одно и то же. Теми самыми словами.

— Помолчи! — прикрикнул отец. — Как город называется, я прослушал... Ну, тот, что взяли...

— Не все ли равно?

— Что? Как это? — Отцовские брови недоуменно подпрыгнули и тут же насупились. — Много ты понимаешь, Николай! Важные дела творятся, мирового масштаба. История.

Самурай тоже помрачнел, выпил коньяка, не скривившись, и вышел. Никто его отсутствия за столом не заметил. Все так же гремел и дудел телевизор, все так же зачарованно восклицали родители при сменах сюжетов. Возвращения не получилось. Некуда было возвращаться Самураю. В принципе, он знал это, но надеялся на чудо. Больше нет. Чудо, как и следовало ожидать, не произошло. Ну и черт с ним.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВАЛЕРИЯ И ВАЛЕРИЙ

Хотя это был обычный завтрак перед началом рабочего дня, сервировка стола была безупречной. Валерия во всем любила не только порядок и красоту, но еще и утонченность, изысканность, без которых не бывает настоящей гармонии.

Сентябрьское солнце, бьющее в окно, отражалось в белоснежной, вымытой дочиста посуде. Во всех трех тарелках млела и исходила паром молочная рисовая каша. В специальных подставочках ожидали своего часа три яйца всмятку — по одному для каждого члена семьи Русановых. Слегка растаявшее масло было таким желтым, что казалось золотым. Абрикосовый джем светился волшебным оранжевым цветом. Серебряные приборы вспыхивали, соприкасаясь с солнечными лучами. Стол был застелен не какой-нибудь там пестрой клеенкой, а белой скатертью, хотя и не матерчатой, а пластиковой. Кафельные и металлические поверхности сверкали. Кухня была такой просторной, что по праву могла называться столовой.

Все эти детали были заслугой Валерии Русановой, если не считать той мелочи, что сама квартира была приобретена на деньги главы семейства, Валерия. Сходство их имен подразумевало родство душ, и если бы Валерию и Валерия спросили, имеет ли оно место в их отношениях, они бы, не колеблясь ни минуты, ответили бы, что да, конечно, они очень, очень близки и любят друг друга.

Минувшей ночью между ними был секс, и этим утром Валерия выглядела такой свежей, веселой и возбужденной, что дочь Виктория то и дело поглядывала на нее, пытаясь разгадать секрет маминой красоты и необычности. Ей было восемь лет, поэтому ей в голову не приходило, что причина может быть столь прозаической.

Валерия носила высокую прическу, которая ей необыкновенно шла, придавая ее худому, слегка вытянутому лицу некую аристократичность, которой на самом деле не было и в помине. Она вышла из простой семьи и работала всего лишь заведующей терапевтическим отделением в городской больнице. Назвать ее красавицей было бы слишком громко. Хотя среди других женщин своего круга и возраста Валерия, несомненно, выделялась. Плюс к этому у нее была великолепная фигура, которую даже не приходилось подчеркивать.

Супруг Валерий, разумеется, знал об этом и был доволен, что отхватил себе такую видную женщину. В ночном клубе, которым он владел, имелось полным-полно девушек на любой вкус, однако мало кто из них мог сравниться формами с Валерией. На его взгляд, единственным недостатком являлось то, что волосы у нее были темно-русые и красила она их в рыжий морковный цвет, тогда как Валерий делал стойку на жгучих брюнеток. Он и сам был брюнетом. В его внешности угадывалось нечто восточное, особенно когда он отращивал небольшую, тщательно подбритую бороду. Нос полумесяцем, черные брови и глаза, чувственный рот.

Женщины первым делом замечали не внешность Валерия Русанова, а его манеру поведения. Он держался и вел себя как положено состоятельному, преуспевающему бизнесмену. Его жесты были властными, речь — уверенной, взгляд — прямым, позы — расслабленными. Положение избавляло его от необходимости суетиться, спешить, подлаживаться, заискивать и совершать множество подобных унижительных мелких дел, без которых не обойтись на нижних ступенях социальной лестницы.

Дочь была уже достаточно взрослой, чтобы не только чувствовать, но и понимать особое, привилегированное положение своего отца. Это наполняло ее той особой произвольной гордостью, которой девочка так и светилась, находясь на людях и среди сверстников. Она осознавала, что ее папа особенный, не чета множеству других пап, и вела себя соответственно. Не настолько вызывающе, чтобы в школе ее считали задавакой, но и без лишней скромности. Виктория в своем классе была отнюдь не серой мышкой.

— Папа, — сказала она, поглядывая на Валерию, намазывающую тосты маслом, — а почему мама сегодня такая веселая?

— А ты у нее спроси, — улыбнулся Валерий.

Несмотря на то, что есть он старался предельно аккуратно, в бороде его, как обычно, выделялись две или три крошки. Валерия посмотрела на них, почувствовала мгновенное легкое раздражение и, чтобы компенсировать его, тоже улыбнулась:

— Папа у нас хороший, — сказала она, — вот я и улыбаюсь.

— Папа хороший, — согласилась Виктория. — Самый лучший даже.

— Стараюсь, — произнес Валерий с короткой самодовольной улыбкой.

Он широко открыл рот и отправил туда треугольный тост, врученный ему Валерией. Тост поместился там целиком, но на бороде появилась новая крошка. Пока Валерий хрустел тостом, она протянула ему салфетку.

— Потом, — сказал он, отведя ее руку. — Я не просил.

На лице Валерии проступило новое выражение. Теперь она не казалась радостной и счастливой. Ее коричневые глаза сделались непроницаемыми. Она опустила голову и принялась есть. Ее плечи были очень прямыми. Взглянув на нее, Виктория тоже села прямо и вытянула шею, чтобы казалась длиннее и тоньше.

— У меня юбка закашлатилась, — сообщила она. — Школьная. Неприлично ходить в такой.

— Новую купим, — пообещал Валерий, не переставая жевать. — Напомни вечером. Поищем в интернете.

— Почему не в магазине? — надулась Виктория. — Мне еще много чего надо.

— Тогда терпи до выходных, — сказал он, пожимая плечами. — У меня работа.

— Я не хочу до выходных. Я хочу сегодня.

— Вика! — прикрикнула на дочь Валерия. — Что это еще за тон? Ну-ка, смени быстро. Не то не будет тебе ни юбки, ни всего остального.

— Почему же. — Валерий снова пожал плечами. — Юбку купим, нужно же в чем-то в школу ходить. А вот остальное... Остальное заслужить надо.

Дух противоречия проснулся в душе маленькой Виктории.

— Я не хочу заслуживать! — заявила она.

Он пожал плечами в третий раз:

— Не надо. Никто не заставляет. Твой выбор, Вика.

— Тогда мне ничего не надо! Ни юбки, ни вообще ничего.

Девочка засопела, раздув ноздри.

Отец равнодушно посмотрел на нее:

— Как хочешь.

Виктория швырнула вилку, вскочила и выбежала из кухни.

Валерий повернулся к Валерии:

— Верни ее.

— Почему не сам? — нахмурилась она.

— Так будет психологически верно, — пояснил он. — Это покажет Вике, что мы заодно, что у нас команда, а против команды не попрешь.

— Почему же тогда ты меня вчера не поддержал? Когда я настаивала, чтобы Вика вовремя отправилась спать?

— Еще до того я пообещал ей, что она сможет лечь на полчаса позже.

— Выходит, твое слово важнее моего? — прищурилась Валерия.

Борода Валерия задвигалась вместе с крошками, когда он ответил:

— Конечно. Глава семейства — отец. — Последнее слово всегда за ним. И первое.

— Почему это?

— Что почему?

— Почему ты считаешь себя главнее?

Валерий усмехнулся:

— Кто в нашей семье добытчик? Не я?

— Я тоже зарабатываю! — запальчиво воскликнула Валерия.

— Ой, я тебя умоляю. Сколько ты там зарабатываешь в больнице своей. — Он наконец воспользовался салфеткой, вытерев сначала руки, а потом уже рот. — Зови Вику. Пусть вернется на место и доест все, что бросила.

— Сам зови!

Валерия встала и принялась собирать посуду со стола. Ей вдруг вспомнилось, как ночью Валерий потребовал от нее сделать то, что она не очень-то любила делать. Причем слово подобрал какое-то обидное. *Исполни*. Ласково попросил, не требовал, но все равно как-то неприятно. И чувство унижения осталось. Интересно, кто ему там в клубе *исполняет*?

Валерия раздраженно загремела посудой, засовывая тарелки в посудомоечную машину.

— Ты оглохла? — спросил Валерий.

Он не повысил голоса, но тон изменился. Поджав губы, Валерия не ответила.

— Хорошо, — произнес он. — Я понял. Ты не желаешь со мной разговаривать. Что ж, это твой выбор. Поиграем в молчанку.

Он встал. Валерии захотелось причинить ему боль, и она знала, как это сделать.

— Ты всегда во что-нибудь играешь, — обронила она. — Игрок.

— Что? Что ты сказала?

Валерий схватил ее за предплечье и повернул к себе.

— Что слышал!

Она вырвалась и снова отвернулась.

— Ты мне до конца жизни будешь теперь напоминать? — прошипел Валерий.

Валерия подумала, что не следовало колотить его так сильно. Впереди выходные, а квартира во время размолвок становится такой большой и неудобной.

— Ты сам собрался играть в молчанку, — произнесла она с упреком. — Не я.

— Не крути! — Он опять заставил ее стать к нему лицом. — Ты намекала!

— На что? — спросила Виктория, вернувшаяся в кухню уже полностью одетая и с рюкзаком за спиной.

Понятное дело, она даже не догадывалась о том, что одно время ее любимый папа был азартным карточным игроком и просаживал целые состояния в казино и подпольных клубах. Валерия его тогда в беде не бросила, вытащила из этой трясины. Уже за одно это он обязан хранить ей благодарность по гроб жизни. Но Валерий не из тех, кто признает свою зависимость перед кем-то или перед чем-то. От него благодарности не дождешься.

— Тебя дочь спрашивает, — сказал он Валерии. — Ответь ей.

— Мы с папой поспорили немного, — выдавила она из себя. — Сама знаешь, как это бывает, Вика. Слово за слово, и вот уже ссора получилась.

— Сегодня ты Вику отвозишь, — произнес Валерий резко. — Мне некогда.

И вышел из кухни, ни с кем не попрощавшись.

— Ого! — прошептала Виктория. — Злой.

— Остынет, — ободряюще улыбнулась Валерия.

Они вместе вышли из дома и сели в ее «Ситроен». Валерия включила зажигание и радио, настроенное на волну классической музыки. Заиграли скрипки и виолончели. Ворота разъехались. «Ситроен» выехал из гаража на улицу.

— Быстрее, мама, — попросила Виктория. — Я опаздываю.

— Успеем.

Валерия посмотрела по сторонам и переехала на другую сторону тихой улицы с особняками за оградами.

Диктор объявил по радио следующий номер.

— Что такое «исполняет»? — спросила Виктория.

Валерия непроизвольно поморщилась и посмотрела на дочь в зеркало.

— Что за глупые вопросы! Ты знаешь.

— Знаю, мама, — признала Виктория. — Но почему «исполняет»? Разве нельзя просто сказать «играет»?

— Можно, — сказала Валерия. — По-разному можно, но смысл все равно один и тот же остается. Поняла? Всегда одно и то же.

— Нет.

— Ничего, поймешь, — пообещала Валерия и набрала скорость, как будто надеялась обогнать свои мысли и оставить их далеко позади.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСЛОЖНЕНИЯ И РЕЦИДИВЫ

Спроси вас, кто такой терапевт, и вы с большой долей вероятности ответите, что это такой себе участковый врач, который и на дом придет по вызову, и больничный даст, и нужную справку выпишет. Но мало кто знает, что терапевты стоят на страже нашего здоровья и вся медицина на них держится.

Кому-кому, а Валерии Русановой это было отлично известно. И порой ей бывало обидно за то, что люди настолько недооценивают ее профессию.

Область знаний терапии огромна, порой необъятна. Не каждому дано ее освоить, не каждый способен вникнуть во все детали и тонкости. Настоящих специалистов мало — раз, два и обчелся.

Валерия была хорошим специалистом.

В ту пору, когда от медицины стали требовать самоокупаемости и поставили ее в зависимость от законов рынка, настоящая медицина закончилась. Придя на работу в больницу с институтской скамьи, Валерия обнаружила, что специалисты ее профиля рассованы по разным отделениям и занимаются кто чем. Главный врач и ей предложил узкую специализацию, например диагностику или мануальную терапию, но она настояла на том, чтобы работать по профессии в полном объеме.

— Это скажется на вашей зарплате, милая, — предостерег главврач.

— Я хочу помогать людям, — храбро ответила тогда Валерия. — И опыта набираться.

— Что ж, можно только позавидовать вашей самоотверженности. И заодно посочувствовать. Учтите, посетители клиники не предполагают, что на начальных этапах болезни терапевт способен помочь им лучше, чем кардиолог или ортопед. И это скажется на вашей зарплате, милая, сильно скажется. Прибыль от вас куда меньше, чем, скажем, от гинеколога или уролога. Первый прием вообще бесплатный. Это что значит? Потянется к вам всякий нищий сброд, вот и будете сидеть на голой ставке.

— И пусть. — Валерия упрямо кивнула головой.

Она тогда плохо представляла себе, что значит сидеть на голой ставке. Очень скоро узнала, но было поздно. Главврач больше не предлагал ей местечка потеплее и подходящее, тем более что Валерия решительно отвергла его ухаживания и предложения отдохнуть вместе на Средиземноморском побережье. Было о чем пожалеть. Но, как это часто случается, слишком поздно.

Проходя по коридору мимо очереди в свой кабинет, Валерия привычно затаила дыхание, чтобы не чувствовать запахов, исходящих от скопления народа. Медсестра Людочка уже сидела за компьютером, раскладывая карточный пасьянс, который тотчас был скрыт выброшенным на экран графиком. Вошел первый посетитель и стал жаловаться на боли в желудке. Немного порасспрашивав его, удалось выяснить, что по совету какого-то умника из интернета он придерживается вегетарианства, ест проросшее зерно и орехи с изюмом. Валерия, как смогла, объяснила ему, что орехи с изюмом — это хорошо, а нарушения в желудочно-кишечном тракте — плохо, и он удалился обиженный, явно не собираясь вернуться, чтобы платить денежки за расширенную консультацию и лечение.

— Первый пошел, — провозгласила Людочка, делая отметку в журнале.

За первым явилась вторая — очень худая девица, анализ крови которой свидетельствовал о наличии анемии. Тут бы-

ла повинна не йога, а мода на худосочных манекенщиц с костлявыми ногами. Девушка худела. От диеты отказывалась, предложения разнообразить рацион выслушивала с отстраненным, недоверчивым видом.

— У вас гемоглобин ниже критической отметки, — нервничала Валерия. — Даже препараты железа не помогают. Вы хоть понимаете, что запущенный процесс может стать необратимым.

— Я в неделю по килограмму сбрасываю, — похвасталась девушка. — У меня талия, знаете, какая?

Спорить с ней было бесполезно. Испытывая тоскливое чувство беспомощности, Валерия пригласила следующего пациента. Им был крашеный блондин, покрытый татуировками так густо, что мог бы избавить себя от ношения одежды. Он жаловался на постоянную сыпь, которая выскакивала то на руках, то на теле. Сыпи из-за татуировок видно не было. Валерия спросила блондина, интересовался ли он, что за краску ему закачали под кожу.

— А зачем? — был ответ. — От тату вреда никакого, я гулил.

— Тогда гуглите дальше, — сказала Валерия. — Медицина бессильна.

— Зачем вы так, Валерия Викторовна? — испугалась Людочка, когда посетитель удалился. — Он жаловаться пойдет.

— Крашеные блондины начальству не жалуются, — сказала Валерия. — Они лучше будут прыщавыми ходить, чем лохами.

В свои тридцать пять она была не только опытным терапевтом, но и неплохим психологом.

— Все же надо было противоаллерген прописать, — не умолкала Людочка. — Процент от аптеки никогда не лишней.

— Яйца курицу учат.

— Что?

Медсестра была слишком молода, чтобы знать народные поговорки. Валерия внезапно почувствовала себя старой и уставшей.

— Ничего, — вздохнула она. — Кто там дальше?

Дальше были: тайный алкоголик с загубленной печенью, жертва биодобавок, начинающий гомосексуалист с геморроидальной шишкой, женщина, имевшая неосторожность довериться костоправу, народная целительница, предложившая Валерии долю за поставку клиентуры, желчный язвенник, язвительный почечник, стареющий культурист с хроническими болями в коленях, танцовщица с защемлением позвонков, школьница с бусинкой в языке и воспалением ротовой полости, симулянты и симулянтки, хроники и астматики, умники и дебилы, просители и требователи.

Как обычно, домой Валерия дотащилась совершенно разбитая, тем более что пришлось еще Вику из продленки забрать, заскочить в магазин и оплатить квитанции по квартплате. Валерия не было, он ответил лишь на третий вызов и раздраженно сообщил, что задерживается.

— Опять? — спросила не менее раздраженная Валерия.

— Что значит опять?

— Ты на прошлой неделе тоже задерживался допоздна.

— У меня дела, зайка. Я работаю.

— А я, по-твоему, лодырничая?

Валерий хмыкнул:

— Наверное, я неясно выразился. Я хотел сказать, что зарабатываю деньги.

На это уточнение возразить было нечего. Именно поэтому Валерия почувствовала нарастающую злость.

— В последнее время у тебя постоянно появляются поводы, чтобы не проводить вечера дома, — сказала она. — У тебя что, семьи нет?

— Семья есть, — ответил Валерий. — И я обязан о вас заботиться. Но мне менты нагрязнули, ясно? Не могу же я их выставить из-за твоих глупых капризов!

— В прошлый раз тоже были менты! — припомнила Валерия.

— То была полиция нравов, а теперь борцы с незаконным оборотом наркотиков. Если с ними не договориться, то пару

пакетиков подбросят и закроют. Короче, не доставай меня, Валя. Отдыхай.

Валерий не мог не помнить, что она терпеть не может, когда он называет ее Вале́й. Или забыл. Вот настолько она ему безразлична?

Она легла спать почти раздетая, решив проучить мужа. С их прошлой близости прошло три ночи, так что он должен был соскучиться. Предложит, а она откажется. Не то что *исполнять* ничего не станет, а вообще не даст. Пусть тогда помучается, пусть прощения попросит.

Но Валерий не мучился и не просил. Явился в третьем часу и завалился спать, дыша перегаром. Дождавшись, пока он захрапит, Валерия тихонько встала, забрала его мобильник и ускользнула из спальни в туалет. Там ее смутные подозрения подтвердились в полной мере. У мужа завелась некая Жасмин, засыпавшая его сообщениями. Этим вечером она потребовала, чтобы он поехал после работы не к своей «айболитихе», а к ней и провел у нее ночь. Дипломатичный Валерий подарил любовнице лишь половину ночи, а остаток провел с семьей, как того хотела Валерия.

Вернувшись в спальню, она положила телефон на место и занялась содержимым карманов мужа. Находки обескуражили ее настолько, что сперва у нее опустились руки, а потом этими же самыми руками она принялась тормошить Валерия, приговаривая:

— Проснись! Проснись, негодяй!

Наконец он сел на кровати и захлопал глазами:

— В чем дело? С ума сошла?

— Это ты сошел! — парировала она. — Мерзавец! Подонок!

— Тише, Вику разбудишь, — пробормотал он.

— И пусть! Пусть слышит. Пусть знает, какой у нее папаша!

С этими словами Валерия сунула ему надорванную упаковку презервативов.

— Дура! — сказал Валерий. — Что ты себе вообразила?

— По-моему, большой фантазии не требуется. Все и так ясно.

— Дура, — повторил он. — Мне это подбросили. В расчете на то, что ты закатаешь мне истерику. Как это и случилось.

— Подбросили? — переспросила она со зловещей усмешкой. — А сообщения от Жасмин? Тоже происки врагов?

— Сообщения? — Валерий опустил ноги с кровати, чтобы схватить свой телефон. — Ты, как я погляжу, совсем совесть потеряла? Кто дал тебе право копаться в моем мобильнике? Низко и подло! Не смей больше прикасаться к моим вещам!

— И трусы свои стирать сам будешь?

— С трусами разберусь. Не лезь в мои личные дела. Если еще раз повторится, я за себя не отвечаю.

— Да! — выкрикнула Валерия. — Не отвечаешь. Не отвечаешь и не управляешь. Безвольная тряпка!

Она швырнула ему в лицо игровые фишки, которые с косячным стуком раскатились по полу. Его голова дернулась, как от удара.

— Докатился! Опять за старое? По притонам подпольным? По казино своим? И сколько у тебя уже долгов? Чем на этот раз думаешь расплачиваться? Домом? Мной? Викой?

Оплеуха заставила Валерию умолкнуть. Ахнув, она провела языком по губам и ощутила вкус крови.

— Мама! — раздался голосок дочери. — Папа! Что вы делаете? Как только вам не стыдно!

Первым нашелся Валерий.

— Мы шутим, Вика, — сказал он хрипло. — Балуемся. Иди к себе и ложись спать. У нас все хорошо.

Дочка повернулась к Валерии:

— Мама?

Та заставила себя улыбнуться:

— Не волнуйся, Викуся. Все хорошо, правда. Спи.

— Вы все врете! Оба! Видеть вас не хочу!

Девочка выбежала из спальни, хлопнув дверью. Валерий сверкнул глазами на Валерию и сказал:

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Пробегка и заплыв	7
Глава вторая. Прошлое и настоящее	13
Глава третья. Валерия и Валерий	20
Глава четвертая. Осложнения и рецидивы	27
Глава пятая. Предостережения и угрозы	34
Глава шестая. Страх и ненависть	39
Глава седьмая. Долг и расплата	45
Глава восьмая. Униженные и оскорбленные	50
Глава девятая. Предложение и согласие	58
Глава десятая. Охотник и жертва	65
Глава одиннадцатая. Кекс и секс	71
Глава двенадцатая. Правила и исключения	77
Глава тринадцатая. Плата и расплата	83
Глава четырнадцатая. Преступление и обвинение	89
Глава пятнадцатая. Шконка и трюм	95
Глава шестнадцатая. Дознание и опознание	101
Глава семнадцатая. Выручка и взаимовыручка	108
Глава восемнадцатая. Дочь и мать	115
Глава девятнадцатая. Заказ и исполнение	122
Глава двадцатая. Профессия и призвание	128
Глава двадцать первая. Мечты и реалии	135
Глава двадцать вторая. Власть и страсть	141

Глава двадцать третья. По-хорошему и по-плохому	148
Глава двадцать четвертая. Подъемы и падения	155
Глава двадцать пятая. Работа и охота	162
Глава двадцать шестая. Желания и возможности	169
Глава двадцать седьмая. Прицел и выстрел.	177
Глава двадцать восьмая. Коварство и расчет	184
Глава двадцать девятая. Защитник и покровитель	190
Глава тридцатая. Обида и злость	196
Глава тридцать первая. Комедия и трагедия	202
Глава тридцать вторая. Рука и сердце	208
Глава тридцать третья. Скорость и сила	215
Глава тридцать четвертая. Лопата и топор	221
Глава тридцать пятая. Явное и тайное	227
Глава тридцать шестая. Закон и порядок	234
Глава тридцать седьмая. Кольца и пули	240
Глава тридцать восьмая. Цена и плата	246

Літературно-художнє видання

МАЙДУКОВ Сергій
Помста Самурая

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 07.07.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

МАЙДУКОВ Сергей
Месть Самурая

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 07.07.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Кілер Константінов на прізвисько Самурай скоює замовне вбивство власника нічного клубу Русанова. Щоб не сплачувати решту грошей, люди замовника здійснюють замах на нього самого. Поранений Константінов потрапляє до поліції. Тепер він підозрюваний.

Дружина Русанова Валерія, яка бачила Самурая, обрала «не впізнати» його на опізнанні. Це недарма... Кілер викликався знайти того, кому покійний Русанов заборгував чверть мільйона доларів і хто загрожує життю й бізнесу вдови. Тим часом новий мер міста підминає під себе весь бізнес. Розправа загрожує і Валерії, яка успадкувала нічний клуб чоловіка. Вона наче кістка в горлі міської мафії. І її треба позбутися...

Майдуков С.

М14 Месь Самурая : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 256 с.

ISBN 978-617-12-8122-6

Киллер Константинов по кличке Самурай совершает заказное убийство владельца ночного клуба Русанова. Чтобы не платить остаток денег, люди заказчика совершают покушение на него самого. Раненый Константинов попадает в полицию. Теперь он подозреваемый.

Жена Русанова Валерия, которая видела Самурая, предпочла «не узнать» его на опознании. Это неспроста... Киллер вынуждается найти того, кому покойный Русанов задолжал четверть миллиона долларов и кто угрожает жизни и бизнесу вдовы. Тем временем новый мэр города подминает под себя весь бизнес. Расправа грозит и Валерии, унаследовавшей ночной клуб мужа. Она как кость в горле городской мафии. И от нее нужно избавиться...

УДК 821.161.1(477)

Вышедший в отставку майор полиции Сорокин живет за границей, где узнает о гибели своего единственного семнадцатилетнего сына. Выясняется: парень находился в притоне наркоманов, чтобы вытащить любимую девушку. Друг Сорокина, начальник уголовного розыска подполковник Грач, обещает найти убийц. Тем временем по городу прокатывается волна нападений: неизвестные убивают наркоманов, бомжей, проституток, бандитов. Мать убитой проститутки помогает Сорокину. Он с риском для жизни выходит на полицейских, которые считают себя «санитарами» общества. А руководит ими... Грач. В ходе противостояния бывшим друзьям приходится вступить в смертельную схватку.

Лиля, сбежав из семьи, устраивается на работу медсестрой в элитную психиатрическую клинику, которая находится на острове, в здании бывшего монастыря. Девушка подписывает контракт, согласно которому год не может покидать клинику. На острове мобильными телефонами и компьютерами разрешено пользоваться только руководству клиники. Это далеко не самое странное, что происходит тут. Лиля старается не задумываться о том, какие дела творятся в больнице. Пока не узнает, что данное место — настоящее гетто, в которое попадают те, от кого хотят избавиться конкуренты, бывшие супруги и компаньоны. Перепуганная девушка решает на побег. Однако из клиники не так легко уйти...

Андрей Разин думал, что доставил в больницу жертву ДТП. Но оказалось, он ввязался в бандитские разборки торговцев оружием. Пострадавший умирает в больнице от осколочных ранений, а начальник местной полиции Хромов и криминальный авторитет Шайтан ищут нежелательного свидетеля. Они боятся, что теперь Андрею известно то, что ему знать не положено. Под угрозой — семья героя. На его сестру Катю началась охота. Андрей вынужден играть в эту смертельную игру без правил во имя спасения своих близких.

Два закадычных друга — Роман и Николай — становятся врагами. Все из-за Алены, которая любит в жизни только две вещи: себя и деньги. Когда на горизонте замаячило бандитское золото, Алена поняла, что это ее шанс разбогатеть. Но для этого ей понадобились поделники, согласные выполнить всю грязную работу. Ими стали Роман и Николай. Вот только идеальный план полетел к чертям, и теперь похитителей ищет могущественная преступная группировка Шамиля одновременно с подкупленной бандитами полицией. Чтобы спасти каждый свою жизнь, Алена, Роман и Николай готовы пожертвовать друг другом...

